

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Аникин Д.А., Линченко А.А. — Русская православная церковь как актор политики памяти: опыт исследования локальных теологических дискурсов // Социодинамика. – 2023. – № 1. – С. 52 - 67. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.1.39396 EDN: DXKBXW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39396

Русская православная церковь как актор политики памяти: опыт исследования локальных теологических дискурсов

Аникин Даниил Александрович

ORCID: 0000-0001-6232-6557

кандидат философских наук

доцент, кафедра теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет им Н.Г. Чернышевского

410012, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

✉ dandee@list.ru

Линченко Андрей Александрович

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6242-8844>

кандидат философских наук

доцент, научный сотрудник, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры философии, Липецкий государственный технический университет.

398002, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Терешковой, 17, кв. 104

✉ linchenko1@mail.ru

[Статья из рубрики "Религия и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.1.39396

EDN:

DXKBXW

Дата направления статьи в редакцию:

14-12-2022

Аннотация: Статья посвящена изучению локальных теологических дискурсов Русской православной церкви в условиях специфики «молодых регионов» России. На материале Липецкой области и деятельности Липецкой митрополии показано сочетание официального дискурса РПЦ с его локальными вариациями, приспособление теологических дискурсивных стратегий к конкретной региональной специфике с целью обозначения своих символических приоритетов и ориентиров. Применение

методологических идей П. Бурдье, Б. Латура и З. Йегера позволило нам проанализировать специфику взаимодействия основных акторов символической политики в Липецкой области, а также выявить место и роль Липецкой митрополии с каждым из них в контексте реализации ее основных дискурсивных стратегий. Было выявлено, что Липецкая митрополия стремится не столько к конкуренции и доминированию в символическом пространстве области, сколько пытается усилить религиозное измерение и интерпретацию всех основных событий истории региона, развивая взаимодействие с каждым из акторов политики памяти. Это позволяет в еще большей степени усиливать потенциал РПЦ в быстрой мобилизации ресурсов для продвижения собственных мемориальных проектов, которые в Липецкой области в первую очередь связаны с восстановлением храмов и монастырей. Исследование выявило пять основных дискурсивных стратегий Липецкой митрополии как актора политики памяти, связанных с стремлением представить историю Липецкой области как историю становления православия в регионе, представить православную Липецкую землю как защитницу России, с активным участием в военных коммеморациях (Великая Отечественная война, современные военные конфликты), стремлением интерпретировать важную роль эпохи Петра I в становлении российского православия, а также избирательной критикой советского исторического опыта.

Ключевые слова:

политика памяти, мемориальные практики, теология, дискурс, православие, гражданская религия, постсекулярное общество, вера, историческое знание, Липецкая митрополия

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00535 «Гражданская религия в современной России: мемориальные практики и особенности теологического дискурса».

Одной из наиболее заметных тенденций общественно-политической жизни постсоветской России на протяжении всех трех десятилетий ее существования является постепенное усиление Русской православной церкви (РПЦ) как актора политики памяти. На первый взгляд, Русская православная церковь имеет строгую иерархию и единую линию теологической интерпретации происходящих в России и мире событий. Однако единство на уровне федеральной политики памяти нередко сосуществует со спецификой позиции Русской православной церкви в регионах, где митрополии и епархии взаимодействуют с региональными акторами политики памяти, имеющими свои нарративы и образы прошлого. Далеко не случайным в этой связи представляется тот факт, что в 2000-е годы Патриархат передает целый ряд значимых векторов политики памяти в регионы, что нашло выражение в усилении инициатив епархиальных комиссий по канонизации [\[1, с.130\]](#), а также увеличении числа появляющихся епархиальных музеев [\[2, с.168\]](#). В подобной ситуации стратегии политики памяти РПЦ вынуждены учитывать особенности самого региона, состав его населения, конфессиональный состав, место в структуре макрорегионов России, а также наличие собственной истории. Последний момент становится особенно актуальным в свете тех регионов Российской Федерации, которые могут считаться «молодыми», будучи образованными в самом недавнем советском прошлом. Одним из таких регионов, указывающем на особый контекст реализации политики памяти является Липецкая область, появившаяся на административной карте РСФСР в 1954 наряду с еще четырьмя областями: Белгородской, Арзамасской, Каменской, Балашовской. К настоящему моменту только две из них (Липецкая и

Белгородская) продолжают существовать как самостоятельные административные субъекты, автоматически представляя собой и митрополии на религиозной карте, хотя, ради справедливости стоит отметить, что после административной реформы РПЦ 2012 года автономным статусом обзавелись Каменская и Балашовская епархии, но в рамках соответствующих митрополий.

Несмотря на то, что отечественные и зарубежные исследователи давно уже обращаются к изучению общественных коммемораций РПЦ, нельзя сказать, что тема региональных дискурсов политики памяти РПЦ изучена обстоятельно. За последние годы исследователи были проанализированы основные стратегии и векторы общефедеральной политики памяти РПЦ [\[3, 4, 5, 6\]](#), хорошо изучены особенности ее конкуренции с другими акторами за символический капитал использования образов прошлого [\[7, 8, 9, 10\]](#), выявлены различные точки соприкосновения с государством [\[1, 11, 12\]](#). В нескольких работах были исследованы инициативы РПЦ в осмыслении и интерпретации российской истории [\[13, 14, 15\]](#). Отдельного внимания в данном случае заслуживают выводы М. Ларуэль и Е. Махотиной. Они полагают, что «для того, чтобы получить доступ к сфере символической политики, РПЦ пришлось позиционировать себя как один из главных ресурсов государства» [\[1, с.123\]](#), а также, что «язык церкви – кресты и другие религиозные знаки – может служить своего рода «защитой» для неудобной с точки зрения государства памяти» [\[16, с.160\]](#). Нельзя сказать, что исследователи не затрагивали в своих работах региональные кейсы, самыми яркими из которых оказываются практики конкуренции РПЦ и Мемориала вокруг Соловков [\[4, 7, 9, 15\]](#), вопросы канонизации исторических личностей и некоторых современников [\[17, 18, 19\]](#), региональные аспекты вопросов канонизации Николая II и его семьи [\[20, 21, 22\]](#). Вместе с тем все представленные исследования в большей мере ориентированы не столько на анализ регионального контекста взаимодействия РПЦ и местных акторов, сколько на репрезентацию в отдельных кейсах основных тенденций политики памяти РПЦ. Это в свою очередь актуализирует дальнейшие исследования в области региональных аспектов политики памяти РПЦ как раз в контексте специфики отдельных регионов. В данной статье мы постараемся проанализировать особенности региональных дискурсов РПЦ как актора политики памяти на материале Липецкой области.

В этой связи в фокусе нашего внимания окажется не только анализ основных направлений деятельности Липецкой митрополии на поле общественных коммемораций, но и взаимодействие (конкуренция) с другими акторами за использование образов прошлого, а также специфика самих дискурсов, направленных на перекодирование истории региона в русле религиозной интерпретации событий прошлого.

Нам уже приходилось писать ранее, что прошлое перестает быть беспристрастным «учителем жизни», а становится источником социально значимых символов и образов, за использование которых ведется конкурентная борьба между различными социальными институтами. При этом как и по отношению к любому другому ресурсу, здесь действует экономическая логика недостаточности имеющихся образов при постоянно растущих потребностях в консолидации определенных сообществ, а также легитимации их претензий на участие в распределении других властных ресурсов [\[17\]](#). Это делает весьма перспективным использование социологических идей Пьера Бурдьё в качестве общей методологической рамки, где логика функционирования символически ресурсов предполагает экономические алгоритмы конкуренции и присвоения, когда политические акторы стремятся либо продемонстрировать свою причастность к данным ресурсам, либо

использовать их для легитимации собственной позиции в политическом пространстве. Такой символический капитал, несмотря на свою нематериальность, обладает всеми свойствами капитала экономического, прежде всего, потому, что предполагает конвертируемость во вполне материальные блага [\[10\]](#). Как формулирует сам Бурдье, «в стороне от поиска «экономической» прибыли... остается место для накопления символического капитала, как отрицаемого экономического или политического капитала, неузнанного и признанного, а потому легитимного "кредита", способного при определенных условиях и всегда в свой срок гарантировать «экономические» выгоды» [\[23, с. 178\]](#). Еще одной общетеоретической рамкой нашего исследования является акторно-сетевой подход (Б. Латур, М. Каллон, Д. Ло), указывающий на необходимость анализировать способы и формы конструирования памяти о прошлом в контексте различных акторов, специфики их ресурсов, а также сетей взаимодействия между ними. В этой связи задачей региональной политики оказывается сопряжение различных акторов, включение их в существующую сеть новых элементов. Обратной стороной реализации данной задачи оказывается сохранение динамического равновесия всей сетевой структуры, ориентированной на реализацию политического интереса.

Важную роль в формировании позиций локальных акторов играют формируемые ими публичные дискурсы, имеющие двоякую направленность. С одной стороны, они оказываются ориентированы на горизонтальную сеть локальных акторов, демонстрируя присвоение/распределение символических ресурсов на региональном уровне, а с другой – учитывая специфику религиозного сегмента социального пространства, встраиваются в вертикаль теологического дискурса, ориентированного на официальную позицию РПЦ.

Сетевое пространство взаимодействия между данными региональными акторами является дискурсивным пространством и требует соответствующей методологии исследования. В нашем случае нами была использована методология критического дискурс-анализа З. Йегера и Ф. Майера, позволяющая анализировать дискурсивные стратегии, представленные не только текстовыми фрагментами, но и графическими изображениями, а также объектами монументального искусства, образующими вместе культурный текст региона. Немецкие ученые используют определение дискурса, данное Ю. Линком, отмечая, что дискурс есть «институционально консолидированный язык, определяющий структуру социальных действий и, тем самым, влияющий на отношения власти в обществе» [\[24, p. 34\]](#). Основной задачей данного метода является анализ типичных текстовых и образно-символических фрагментов (фрагментов дискурсов), репрезентированных в символическом пространстве коммуникационного сообщения и содержащих различные виды отсылок на одну тему. Как пишет сам З. Йегер, данная общая тема выступает в качестве своеобразной дискурсивной нити (discursive strand) [\[24, p.38\]](#). Методология З. Йегера и Ф. Майера предполагает структурный анализ, который позволяет выявить основные темы, их заголовки и подзаголовки, элементы передаваемых структурных значений каждого блока информации, а также элементы значений, передаваемых не напрямую. Далее материал анализируется в рамках риторических средств и релевантных информационных сообщений (виды и формы аргументаций и аргументативных стратегий, логика и композиция, импликации и инсинуации, коллективный символизм и метафоры в языке). Завершающей процедурой оказывается сравнение изученных информационных источников, выявление идеологических влияний и выделение типичных фрагментов дискурса, составляющих дискурсивную нить. Источниками для нашего анализа послужили официальные документы (распоряжения и указы), периодические издания Липецкой митрополии, материалы официального сайта, а также выступления первых лиц митрополии,

посвященные как различным историческим событиям как общероссийского, так и регионального характера. Их сравнительный анализ позволил выделить те самые дискурсивные нити (дискурсивные стратегии), о которых говорит З. Йегер.

Созданная в 1954 году Липецкая область рассматривалась в первую очередь как аграрно-промышленный и промышленный регион, которым она продолжает оставаться и поныне. Регион был создан из районов, входящих в состав Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской областей. Национальный состав населения: русские (96,3 %). Ключевое экономическое значение для региона играет Новолипецкий металлургический комбинат (НЛМК). На протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. регион устойчиво входил в «красный пояс» России. В области 18 районов и 2 города областного значения (г. Липецк и г. Елец). Областным центром региона является г. Липецк, основным демографическим источником пополнения которого в 1960-е – 1990-е годы стали жители сельских поселений.

В случае с Липецкой областью как «молодым» регионом мы сталкиваемся с особой темпоральной ситуацией, когда у региона в определенном смысле отсутствует «свое» прошлое, а сам он оказывается своеобразным «лоскутным одеялом», сотканным из образов прошлого соседних территорий. С одной стороны, это открывает возможности для поиска оригинальных символических конструкций, а с другой стороны такое противоречивое прошлое региона является источником повышенной конкуренции между региональными акторами, использующими его как символический ресурс своего влияния в области. В этой ситуации не стоит недооценивать присутствие общефедеральных нарративов о прошлом, которые, несмотря на их, казалось бы, стереотипный характер, в не меньшей мере могут становиться предметом символической конкуренции, где РПЦ как раз активно продвигает религиозное измерение интерпретации российской истории.

В 2000-е годы усиление присутствия РПЦ в качестве актора политики памяти следует связать с двумя основными факторами. Во-первых, оказывается исчерпанным тренд на восстановление дореволюционного наследия, что заставляет искать новые траектории символической репрезентации в культурном и политическом пространстве. Во-вторых, на смену реформистским 90-м приходят реакционные 2000-е, когда политический дискурс чутко улавливает потребность общества в стабильности и социальной защищенности, символом чего становится Советский Союз эпохи «застоя». Мы уже отмечали тот факт, что вместо отказа от советского наследия или критического отношения к отдельным проявлениям советскости (например, антирелигиозные кампании), доминирующим в религиозной среде становится стремление к символическому перекодированию советского прошлого и, следовательно, к формированию специфически религиозного видения событий российской истории [\[10\]](#). Однако данный вывод, который мы ранее сделали применительно к общефедеральному историческому нарративу оказывается верен и в ситуации регионального контекста.

Любопытно отметить, что Липецкая епархия – предшественница Липецкой митрополии появилась намного раньше Липецкой области, будучи учрежденной в 1926 году и просуществовавшей до 1937 года. С 1954 года действует уже Воронежско-Липецкая епархия. В 2003 году из нее выделяется Липецкая и Елецкая епархия, которая в 2013 году будет преобразована в Липецкую митрополию, существующую и поныне [\[25\]](#).

Поле общественных коммемораций, на котором Липецкой митрополии приходится иметь дело с Правительством (ранее - Администрацией) Липецкой области, Новолипецким металлургическим комбинатом (НЛМК), Администрацией и сообществами памяти г. Ельца, администрациями районов Липецкой области, Липецким областным краеведческим

обществом.

Ключевое значение для поля общественных коммемораций в Липецкой области на протяжении последних трех десятилетий играла и продолжает играть Администрация Липецкой области, а ныне Правительство Липецкой области, возглавляемое губернатором. Вместе с тем ни период политического противостояния в регионе (1991-1998), ни период «долгого» губернаторства О.П. Королева (1998-2018), ни появление нового губернатора – И.Г. Артамонова в 2018 не смогли переломить основные дискурсы истории региона, сформировавшиеся в советское время. Основу советского исторического нарратива области составляли дискурсы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., борьбы рабочего класса в Липецке и городах области, Липецкого съезда народовольцев 1879 года, описания жизни Г.В. Плеханова в Липецкой области, истории Липецкого курорта минеральных вод, дискурсы военной авиации и космонавтики. Данные дискурсы могут быть без труда обнаружены при обращении к серии учебных пособий по истории области [\[26, 27, 28\]](#), к установленным в советское время монументам и названиям улиц. Так, основными сюжетами монументальной эстетики в городах области стали памятники Ленину, группа памятников, посвященная Великой Отечественной войне, памятники борцам за советскую власть, металлургам и новой героике (герои-авиаторы, чернобыльцы). Сохранившийся в городе Липецке немногочисленный нарратив Петра I был дополнен памятником петровским пушкам в 1960-е годы, что должно было служить напоминанием преемственности железоделательных заводов Петра I и активного развития липецкой металлургии. В русле вышеперечисленных дискурсов полностью укладываются две волны (1957 и 1977 годы) переименования и названия улиц разраставшегося областного центра.

Центральное значение для коммеморативных практик в Липецкой области после 1991 года приобретает фигура Петра I, который оказался удачным для областного центра символическим образом, отражающим как поиск подходящих дореволюционных фигур для коммеморации (федеральный тренд), так и непосредственно связанным с самой историей города и области (липецкие железоделательные заводы, курорт минеральных вод).

Следует полностью согласиться с мнением А.В. Скиперских в том, что приход к власти в 1998 году О.П. Королева стал своеобразной первой символической победой сельских районов над областным центром, где влияние НЛМК в 90-е годы было доминирующим [\[29, с.36\]](#). Оставляя в стороне основные причины, способствовавшие двадцатилетнему периоду правления О.П. Королева, никогда не скрывавшего свои симпатии к коммунистическому прошлому, обратимся к трансформации регионального исторического нарратива.

Было бы существенным преувеличением говорить о наличии единой стратегии региональной политики памяти в Липецкой области в период 1998-2018 гг. Вместо единой и последовательной линии мы видим набор дискурсов, ситуативно складывавшихся в регионе в свете актуальных федеральных трендов и особенностей политических процессов в регионе. Как и в других российских регионах, центральное место в областном дискурсе занимают коммеморации Великой Отечественной войны [\[30\]](#), о чем свидетельствует существенное увеличение числа памятников прежде всего в районах области (наибольшее в затронутых войной Тербунском и Воловском районах).

Молодость региона актуализировала вторую дискурсивную нить, связанную с вопросами территориально-политической субъектности в регионе, и нашедшую отражение в

установке памятников дореволюционному градоначальнику Митрофану Ключеву (2006), основателям города (2008), а также 300-летию города Липецка (2003), сопровождавшегося масштабными празднованиями (2003) с обязательным указанием на одинаковый возраст Липецка и Санкт-Петербурга. Актуальность обозначенного дискурса также наглядно демонстрирует официальный календарь памятных дат Липецкой области [\[31\]](#), где 90% дат представляют собой даты оснований городов области, различных органов власти и областных учреждений.

Третья дискурсивная нить, характерная как для коммеморативных практик областного центра, так и для районов области, связана с сохранением советского нарратива, что зримо проявляет себя в устойчивой тенденции сохранения советских названий улиц как во всех районных центрах области, так и в областном центре, мероприятиями по поддержанию внешнего вида памятников советской эпохи, сохранением основных тематических выставок в Липецком областном краеведческом, Задонском, Данковском, Усманском, Чаплыгинском и Грязинском краеведческих музеях. При этом, если в г. Ельце революционная тема постепенно размывается [\[32, с.126\]](#), то анализ дискурсивного пространства основных выставок в районных центрах показывает сохранение важного места темы Октябрьской революции в музеях региона.

Отсутствие единой смысловой линии в политике памяти областной администрации пока оказывается характерной и для нового губернатора – И.Г. Артамонова, назначенного в 2018 году. Четыре года его правления ознаменовались разнонаправленными тенденциями, связанными с расширением коллабораций с Русской Православной Церковью в регионе (памятники Святителю Пантелею и Николаю Чудотворцу), возвращением советского нарратива (реконструкция дворца спорта «Звездный» в его первоначальном советском виде), деконструкцией советского нарратива (реконструкция парка «Быханов сад» и удаление большинства элементов его советского облика), критическими высказываниями об установке бюста И.В. Сталину. Подобная разнонаправленность во многом продиктована стремлением к своеобразному нейтралитету в отношении конфликтогенных вопросов прошлого в условиях незавершенности процесса ротации политической элиты в регионе.

На протяжении последних десяти лет в регионе наблюдается постепенное дистанцирование НЛМК от участия в политической и культурной жизни в регионе, зримо отражающее общефедеральные тенденции между крупным бизнесом и политической властью. Имея огромные финансовые ресурсы, комбинат продолжает оставаться и актором политики памяти, концентрируя свое внимание при этом на коммеморациях вокруг самого предприятия и его истории. За последние годы это нашло выражение в трех основных направлениях деятельности: активизации музейно-выставочной деятельности в рамках музея НЛМК, установке мемориальных досок бывшим работникам комбината в г. Липецк, финансировании благотворительных проектов помощи ветеранам города, а также поддержке проектов молодежи в рамках патриотического воспитания, связанных с коммеморациями Великой Отечественной войны.

В этих условиях достаточно заметным в области оказывается рост влияния митрополии, которая в 1990-е годы, как и по всей стране, сосредоточилась на восстановлении храмов и монастырей. О существенном росте епархии свидетельствуют цифры. Так, за период с 2003 по 2013 годы, по данным митрополии, численность духовенства увеличилась более чем в три раза (382 священнослужителя). Было открыто 97 приходов, 7 монастырей из 10 действующих, освящено 82 престола, построено 26 храмов, велось строительство 28 храмов, совершено 207 диаконских и 199 священнических хиротоний.

Были возобновлены богослужения более чем в ста храмах, численность монашествующих в монастырях увеличилась в два раза [25]. Значительные коммеморации были развернуты вокруг трех ключевых фигур липецкого пантеона святых: святителя Тихона Задонского, преподобного Силуана Афонского, а также Георгия, Затворника Задонского. 29 июля 2017 года Священный синод утвердил и рекомендовал к общецерковному богослужебному употреблению текст службы Собору Липецких святых, что стало важным шагом на пути к изменению статуса Липецкой и Елецкой епархии. Представителей митрополии можно увидеть на всех официальных коммеморативных мероприятиях в областном центре и в районах области, что также укладывалось в общероссийскую тенденцию связывания церкви с государственными мемориальными мероприятиями и «окрашивания» истории России религиозными референциями [1, с.127]. Однако внутри данной тенденции существенный интерес представляют те дискурсивные стратегии, которые непосредственно связаны с регионом и указывают на процессы создания религиозного измерения истории региона, которое, благодаря сотрудничеству митрополии с другими акторами, становится все более заметным.

Первая дискурсивная стратегия, выявленная нами в процессе исследования представляет собой стремление представить Липецкую землю и ее историю как историю становления православия в регионе, что хорошо укладывается в известную формулу священномученика Фаддея (Успенского) Тверского: «История Церкви – история святости, история России – история Церкви». В случае Липецкой митрополии реализация данной интенции, давно уже актуализированной Патриархатом, в наибольшей степени достигается через публикацию информации о Соборе Липецких святых [33], а также истории чудес на территории Липецкой области, связанных например с обретением мощей преподобного Иллариона Троекуровского [34], святителя Тихона Задонского [35] или иконы Божией Матери «Страстная Липецкая» [36]. Подобная стратегия является одним из наиболее распространенных способов репрезентации исторического через религиозный нарратив и обладает своей спецификой только в рамках деталей самих историй. Еще одним элементом данной дискурсивной стратегии, также вполне соответствующем направленности политики памяти РПЦ в целом, является презентация нарратива новомучеников. Так, по состоянию на осень 2022 года, из 60 липецких святых 19 канонизированных приходилось на персоналии до 1917 года, а 41 персоналия была связана с советской эпохой. Также показателен факт, что из 60 липецких святых статус святителя имели 12 персоналий, а 8 персоналий находились в статусе преподобных. В тоже время статус священномученика был зафиксирован у 40 канонизированных персоналий [37]. Казалось бы, дискурс новомучеников, напрямую указывающий на «неудобную» для региональных властей тему, должен был вызывать соответствующую реакцию. Отсутствие подобной реакции у региональных властей, на наш взгляд, связано в первую очередь со стремлением Липецкой митрополии особым образом интерпретировать данную тему. Практически незаметной оказалась в регионе передвижная выставка «Русская Голгофа. Новомученики и пострадавшие за Веру в Липецком крае», представленная в Липецком областном краеведческом музее в июне 2022 году. Скучные строчки о прошедшем мероприятии на сайте митрополии не содержат отсылок к смысловой интерпретации роли и значения выставки [38], зримо демонстрируя фигуру умолчания. Показательно, что проведение выставки в краеведческих музеях г. Липецка и г. Ельца максимально направлено на избегание разговоров об индивидуальной ответственности и пристыжение карателей, ориентируя посетителя на образцы «высоты образа жизни в годы испытаний» [39]. В данном случае мы также

сталкиваемся с тенденцией характерной для РПЦ в целом [\[1\]](#).

История православия на Липецкой земле репрезентируется в религиозном дискурсе в том числе и как история храмов и монастырей. Это позволяет видеть историю региона в рамках иной хронологии и периодизации, где наиболее значимые исторические события оказываются представлены из перспективы этапов создания, разрушения и воссоздания памятников архитектуры. В данном случае восстановление монастырей сопровождается интенсивной историографической работой, где наиболее активным оказалось сотрудничество Липецкой митрополии и Липецкого областного краеведческого общества. Так, за последние два десятилетия, благодаря усилиям А.Ю. Клокова, А.А. Найденова и А.В. Новосельцева была опубликована многотомная серия книг, посвященная храмам и монастырям Липецкой и Елецкой епархии (на данный момент вышли книги о Лев-Толстовском, Данковском, Чаплыгинском, Усманском, Задонском, Елецком и Липецком районах) [\[27\]](#). Показательно также, что история Липецка и Липецкой области рассматривается не только сквозь призму сохранившихся памятников, но и в контексте утраченных религиозных сооружений [\[40\]](#), маркируя тем самым нарратив утраты.

Следует также указать на активное взаимодействие Липецкой митрополии (а ранее Липецкой и Елецкой епархии) с районами области, где культурное влияние крупных монастырей (Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, Свято-Тихоновский Преображенский женский монастырь и Богородице-Тихоновский (Тюнина) женский монастырь) оказывается более заметным, чем влияние традиционных музеев в районных центрах. Если отвлечься от коммемораций Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., доминирующих в дискурсивном пространстве памяти районов области, то можно увидеть, что районы области пытаются обрести свою особую субъектность через «присвоение» воспоминаний соседних регионов (коммеморации Л.Н. Толстого в Лев Толстовском, А.С. Грибоедова в Измалковском, М.Ю. Лермонтова в Краснинском районах), создание воображаемых пространств памяти (Пушкинские места в с. Кореневщино), а также коммеморации отдельных сюжетов прошлого, выпадающими как из общероссийского, так и регионального исторического нарратива (памятник Иоанну VI Антоновичу в Чаплыгине). В этой связи ставка районов на использование образов культурных героев делает для них очень важной кооперацию с Липецкой митрополией, монастыри и храмы которой в районах области связаны с именами уже упоминавшихся нами ранее общероссийских святых: святителя Тихона Задонского, преподобного Силуана Афонского, а также Георгия, Затворника Задонского. В таком случае именно паломничество и православный туризм оказываются способами обращения внимания на пространство коллективной памяти районов, где светские коммеморации уже выступают как дополнение к религиозным.

Вторая дискурсивная стратегия, являющаяся оригинальной для Липецкой митрополии, связана с особым статусом Липецкой земли как защитницы России. В данном случае имеется в виду молчаливая поддержка митрополией ландшафтной оперы «Сказание о граде Ельце», сюжетом которой является история взятия Ельца войсками Тамерлана в 1395 году и впоследствии повернувшего свои войска в Азию. Показательно, что в последние годы вокруг этой даты были развернуты общественные коммеморации, отражающие с одной стороны установку на героический исторический опыт города, а с другой стороны установку на важную роль сакральной жертвы Ельца в спасении России от Тамерлана. Еще более важно, что коммеморации 1395 года содержат отсылки к религиозному дискурсу о заступничестве Владимирской иконы Божией Матери [\[41\]](#). После нескольких лет постановок ландшафтная опера получила премию Правительства РФ в области культуры (2016 год). Показательно, что несмотря на критику оперы со стороны

православных активистов Ельца [\[42, 43\]](#), епархия предпочла не идти на прямой конфликт с руководством города и региона, а также совместно с властями рассматривает вопрос о создании центра православной культуры.

Третья дискурсивная стратегия Липецкой митрополии связана с коммеморациями Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., а также военнослужащих, павших в ходе специальной военной операции на Украине. В данном случае речь идет не только об исполнении религиозных ритуалов в рамках перезахоронений останков советских солдат, но и поиске и публикации информации о священниках митрополии – участниках войны [\[44\]](#). Показательно, что вслед за Патриархом Кириллом мы также видим стремление интерпретировать Победу в Великой Отечественной войне в свете религиозной метафизики и иносказания: «Попустив очистительные страдания, Господь не оставил Своей милостью принесших покаяние людей. Война, начавшаяся в день Всех святых, в Земле Российской просиявших, бомбежкой крещенской купели Святой Руси, матери городов Русских, – стольного Киева, завершилась в день Светлого Христова Воскресения, когда весь православный мир праздновал Победу Жизни над смертью» [\[45\]](#). Еще одним направлением деятельности представителей митрополии в 2022 году стало активное участие в коммеморации российских солдат, погибших на Украине. Так, в сентябре 2022 года в одной из православных гимназий г. Липецка при участии митрополита Арсения была установлена мемориальная доска памяти погибшего выпускника – Михаила Чудина [\[46\]](#).

Важная роль образа Петра I в Липецке является еще одним значимым символическим ресурсом и дискурсивной стратегией для любого актора политики памяти в городе и области. В этой связи празднование 350-летия со дня рождения Петра I не могло не остаться незамеченным со стороны митрополита, хотя в данном случае стоит видеть не региональную инициативу, а, скорее, удачное сочетание локальной и федеральной повестки. Дело в том, что основной общественный форум РПЦ – Рождественские чтения – в январе 2022 года был посвящен теме «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность», в чем стоит видеть даже не специфику религиозного дискурса, а его включенность (вынужденную или осознанную) в дискурс федеральной власти. Стоит напомнить, что в последние годы целый ряд Рождественских чтений был посвящен тематике, напрямую связанной с отдельными образами исторической памяти – Александр Невский, князь Владимир, Великая Отечественная война и т.д. Для Липецкого региона обращение к образу Петра I на федеральном уровне оказалось совмещено с местными коммеморативными образами, которые получили определенную религиозную интерпретацию.

В своей речи на недавней конференции он постарался выделить несколько основных смыслов интерпретации петровской эпохи. Во-первых, Петр I предстал в оценке церковного иерарха не только как защитник страны, но и ревнитель православия: «именно ему, – младшему из шести сыновей царя Алексея Михайловича Тишайшего, имевшему самый мизерный шанс наследовать трон при пяти старших братьях, – Господь судил воспринять тяжелое бремя «шапки Мономаха» в непростых условиях развития государства на рубеже XVII-XVIII веков, когда вновь стояла первостепенная задача – сохранить страну от разграбления интервентами, а Православную Церковь – от колебавшего ее раскола, еретических течений, усиления протестантского и католического прозелитизма <...> Отношение Петра Великого к Церкви, несмотря на известные всем некоторые негативные моменты, в целом носит положительный поддерживающий характер» [\[47\]](#). Во-вторых, религиозной интерпретации подвергаются

даже такие события, которые традиционно воспринимались в свете идей актуальности западных ценностей – например основание Санкт-Петербурга: «Не осталось без благочестивых начинаний и такое грандиозное свершение, как возведение новой столицы. Государь не решился перекраивать на европейский лад самобытную архитектуру Москвы, но основал столицу будущей империи на месте славных побед великого князя Александра Невского. Выстроив в Санкт-Петербурге монастырь во имя святого защитника Руси (ныне это Александро-Невская лавра), царь с подобающими почестями повелевает перенести из Владимира в стольный град нетленные мощи благоверного князя и лично участвует в этой процессии» [47]. В-третьих, особое религиозное значение липецким митрополитом придается также и реформе церкви в эпоху Петра I, всегда вызывавшей множество споров среди верующих и церковных иерархов: «Несмотря на административное стеснение под крылом государева попечения не оскудела в ту эпоху Православная Церковь и своими тружениками, не превратилась в некую бюрократическую организацию, лишенную творческих сил и высоты духа. Уже в царствование самого Петра она дала Отечеству и всему православному миру подвижников благочестия, ставших значительными деятелями русской культуры и церковного просвещения» [47].

Сохранение советского исторического нарратива в Липецке и Липецкой области, а также явно положительное отношение к нему губернатора О.П. Королева на протяжении всего периода его правления не могли не найти отражение в еще одной дискурсивной стратегии, связанной с особой репрезентацией советского опыта. В литературе уже отмечалось, что тема советского периода российской истории в первую очередь в РПЦ связывается с репрессиями и гонениями на Церковь, воспринимается как коллективная вина русского народа, но при этом в меньшей степени выражается в критике государства [1, с.135]. Сходные мотивы обнаруживаем и в региональном дискурсе, где достаточно частые упоминания о гонениях на православных и разрушении храмов оказываются деперсонализированными, когда поименно называются только жертвы, но за пределами названия оказываются реальные персонажи, принимавшие участие в разрушении сооружений и гонениях на православных лиц. Более того, само советское время присутствует в текстах как некая метафизическая рамка, «время жестоких гонений» [25]. Подобная ситуация оказывается очень удобной, поскольку позволяет митрополии одновременно сохранять дистанцию по отношению к советскому периоду, но также позволяет ей положительно интерпретировать отдельные страницы советской истории региона в периоды юбилеев общественных коммемораций.

Таким образом, результаты анализа локальных дискурсов Русской православной церкви позволяют говорить о ней как об одном из наиболее активных акторов политики памяти в современном региональном пространстве России. В особенности это оказывается заметным в «молодых регионах» России, не имеющих своей длительной исторической традиции и представляющих собой эклектичное соединение остатков советского исторического нарратива, актуальных трендов федеральной политики памяти и образов прошлого, выступающих наиболее приемлемым символическим ресурсом для сохранения социального консенсуса. Вместе с тем, существенной методологической проблемой, насущной для дальнейших исследований, оказывается сочетание официального дискурса РПЦ с его локальными вариациями, приспособление теологических дискурсивных стратегий к конкретной региональной специфике с целью обозначения своих символических приоритетов и ориентиров. Разумеется, предложенная гипотеза сильной роли религиозных акторов в условиях «новых регионов» нуждается в дальнейшем сравнительном исследовании, но пример Липецкой области демонстрирует

гибкость и вариативность теологического дискурса с точки зрения формирования религиозной картины прошлого, исходя из имеющегося символического ландшафта.

В этой связи Липецкая митрополия стремится не столько к конкуренции и доминированию в символическом пространстве области, сколько пытается усилить религиозное измерение и интерпретацию всех основных событий истории региона, развивая взаимодействие с каждым из акторов политики памяти. Это позволяет в еще большей степени усиливать потенциал РПЦ в быстрой мобилизации ресурсов для продвижения собственных мемориальных проектов, которые в Липецкой области в первую очередь связаны с восстановлением храмов и монастырей. Обращение к опыту Липецкой области показало, что несмотря на передачу целого ряда коммеморативных функций епархиям и митрополиям, структуры РПЦ в регионах по-прежнему демонстрирует строгую иерархию, когда митрополии и епархии на региональном материале проводят точку зрения Патриархата в отношении религиозной интерпретации событий российской истории. Исследование выявило пять основных дискурсивных стратегий Липецкой митрополии как актора политики памяти, связанных с стремлением представить историю Липецкой области как историю становления православия в регионе, представить православную Липецкую землю как защитницу России, с активным участием в военных коммеморациях (Великая Отечественная война, Специальная военная операция), стремлением интерпретировать важную роль эпохи Петра I в становлении российского православия, а также избирательной критикой советского исторического опыта.

Библиография

1. Ларюэль М. Политика памяти Русской православной церкви: реабилитируя, перехватывая, возвращая // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под. ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С.122-144.
2. Аникин Д.А. Конфессиональный музей как институт политики памяти // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под. ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С.162-172.
3. Papkova I. The orthodox Church and Russian Politics. N.Y: Oxford Univ. Press, 2011. 265 p.
4. Митрохин Н. Русская православная церковь: Современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 648 с.
5. Mitrofanova A. The politicization of Russian orthodoxy: Actors and ideas. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005. 240 p.
6. Zimmermann M. Die Russische Orthodoxe Kirche als erinnerungspolitische Akteur (1995-2009) Der Schießplatz Butovo als Fallbeispiel für die postsowjetische Gedenkkultur // Sowjetische Verbrechen und russische Erinnerung. Orte – Akteure – Deutungen (Europas Osten im 20. Jahrhundert. Schriften des Imre-Kertész-Kollegs Jena, 4) / Jörg Ganzenmüller, Raphael Utz. Oldenbourg, München: de Gruyter, 2014. S. 59-90.
7. Bogumil Z. Gulag memories: The rediscovery and commemoration of Russia's repressive past. N.Y.: Berghahn books, 2018. 248 p.
8. Кобрин К., Митрохин Н. РПЦ и сталинизм // Гефтер. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/16527> (дата обращения – 06.10.2022)

9. Шторн Е., Бутейко Д. Борьба за ограниченное пространство памяти на Соловках // Неприкосновенный запас. 2016. № 4. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2016/4/borba-za-ogranichennoe-prostranstvo-pamyati-na-solovkah.html> (дата обращения – 06.10.2022).
10. Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. 2020. № 1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://st-hum.ru/content/anikin-da-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-kak-simvolicheskiy-resurs-osobennosti> (дата обращения – 06.10.2022).
11. Логунова Л.Ю., Рычков В.А. Противоречия исторической и социальной памяти во взаимоотношениях церкви и государства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С.186-199.
12. Донцев С.П. Политика памяти в контексте институциональных взаимодействий Русской православной церкви и государства в современной России // Политическая наука. 2018. № 3. С.91-105.
13. Пинюгина Е.В. Русская православная церковь и осмысление российской истории XX века. Часть 1 // Символическая политика. Вып. 3. Политические функции мифов: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2015. С.236-255.
14. Шапошников Л.Е. Историософские темы в современном православном богословии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Том 13. Выпуск 4. С. 71-81.
15. Дорман В. От Соловков до Бутово: Русская православная церковь и память о репрессиях в постсоветской России // *Laboratorium*. 2010. № 2. С. 327–347
16. Махотина Е. Религиозный язык памяти: Россия в европейском контексте // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: коллективная монография / под. ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С.144-162.
17. Аникин Д.А. Михаил Тверской versus Михаил Черниговский: образы святых в региональной политике памяти // ЭНОЖ «История». 2020. Том 11 Выпуск 10 (96). DOI: 10.18254/S207987840012491-9.
18. Fomina V. Between heroism and sainthood: New martyr Evgenii Rodionov as a moral model in contemporary Russia // *History and antropology*. 2018. Vol. 29. N. 1. pp. 101-120.
19. Разумова И.А. Деятельность Русской Православной Церкви по увековечиванию памяти погибших моряков «Курска» // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 5 (158). С. 7-12.
20. Slater W. Relics, remains, and revisionism: narratives of Nicolas II in contemporary Russia // *Rethinking History*. 2005. Vol. 9. N.1. pp. 53-70.
21. Батищев Р.Ю., Беляев Е.В., Линченко А.А. Русская Православная Церковь как актер современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. 2018. N.1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://st-hum.ru/en/node/649> (дата обращения – 06.10.2022).
22. Семененко-Басин И.В. Культ императора Николая II в традициях российского православия XX-нач. XXI вв. // Религиоведение. 2009. № 3. С.28-38.
23. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. 576 с.
24. Jäger S. Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical

- Discourse and Dispositive Analysis. In *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer (Eds.). London: SAGE Publications, 2013. pp. 32-63.
25. История Липецкой митрополии. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mitropolia-lip.ru/istoriya-lipeckoy-mitropolii> (дата обращения – 06.10.2022).
26. Путешествие по Липецкой области / сост. В.Ф. Полянский, Н.В. Марков, А.Ф. Мартынов. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1971. 359 с.
27. Клоков А.Ю., Найдёнов А.А., Найдёнова Е.А. История Липецкого края. Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2020. 464 с.
28. Из истории Липецкого края / ред. Д.В. Гаврилов, А.Ф. Мартынов, А.Н. Соболев, Н.Н. Федосеев. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969. 192 с.
29. Скиперских А.В. Липецкая политическая элита: специфические черты, персоналии, тенденции инкорпорации // *PolitBook*. 2016. № 4. С.31-46.
30. Скиперских А.В. Политика памяти о Великой Отечественной войне в Липецкой области: акторы, специфика, последствия // *Дискурс-Пи*. 2021. Т.18. № 4. С.59-77.
31. Памятные даты Липецкой области URL: <https://admlip.ru/about/pamyatnye-daty/> (дата обращения – 06.10.2022)
32. Скиперских А.В. История российской провинции в мемориальной культуре: политическое конструирование // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 47. С.121-127.
33. Найдёнов А.А., Стаднюк Н.М., Чеснокова А.И. Собор святых Липецкой земли. Липецк: Липецкое обл. краеведческое о-во, 2013. 276 с.
34. Клоков А.Ю., Найдёнов А.А. Жизнеописание старца Илариона, Троекуровского затворника и история Троекуровского Свято-Димитриевского Иларионовского монастыря. Липецк: Липецкое обл. краеведческое о-во, 2004. 119 с.
35. Морев Л.А. Светоч благодатный, в Задонской обители просиявший. Задонск: Задонский Рождество-Богородицкий епархиальный мужской м-рь, 2001. 92 с.
36. Чудотворная икона Божией Матери "Страстная Липецкая". [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mitropolia-lip.ru/journal/svyatyni-lipeckoy-zemli/chudotvornaya-ikona-bozhiey-materi-strastnaya-lipeckaya> (дата обращения – 06.10.2022).
37. Собор Липецких святых. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://mitropolia-lip.ru/sobor_lipetskih_svyatyh (дата обращения – 06.10.2022).
38. Митрополит Липецкий и Задонский Арсений посетил выставку «Русская Голгофа. Новомученики и пострадавшие за Веру в Липецком крае» в Липецком областном краеведческом музее. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mitropolia-lip.ru/events/mitropolit-lipeckiy-i-zadonskiy-arseniy-posetil-vystavku-russkaya-golgofa-novomucheniki-i> (дата обращения – 06.10.2022)
39. Выставка «Русская Голгофа. Новомученики и пострадавшие за Веру в Липецком крае – герои духа в лицах». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://eparhy.ru/vystavka-russkaya-golgofa-novomucheniki-i-postradavshie-za-veru-v-lipeckom-krae-geroi-duxa-v-licax/> (дата обращения – 06.10.2022).
40. Утраченные храмы Липецка. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mitropolia-lip.ru/journal/istoriya-odnogo-hrama/utrachennye-hramy-lipecka> (дата обращения – 06.10.2022).
41. Опера "Сказание о граде Ельце". [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview/11450691862881064744> (дата обращения – 06.10.2022).

42. Травин И. Пляски на кресте в городе Ельце // Новые известия. 2017. 28 июня. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://newizv.ru/article/general/28-06-2017/plyaski-na-kreste-v-gorode-eltse-2669aa07-6e07-43c7-bff4-9c06926241ce> (дата обращения – 06.10.2022).
43. Липецкие верующие посчитали кощунством «пляски на кресте» в елецкой опере. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://gorod48.ru/news/445638/> (дата обращения – 06.10.2022).
44. Священнослужители Липецкого края – участники Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mitropolia-lip.ru/journal/svyashchennosluzhiteli-lipeckogo-kрая-uchastniki-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения – 06.10.2022).
45. Слово Высокопреосвященнейшего Арсения, митрополита Липецкого и Задонского, на XVI Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения «Хотят ли русские войны?». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mitropolia-lip.ru/journal/propovedi/slovo-vysokopreosvyashchenneyshego-arseniya-mitropolita-lipeckogo-i-zadonskogo-na> (дата обращения – 06.10.2022).
46. В Православной гимназии г. Липецка установлена доска памяти погибшего выпускника воина Михаила Чудина. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mitropolia-lip.ru/events/v-pravoslavnoy-gimnazii-g-lipecka-ustanovlena-doska-pamyati-pogibshogo-vypusknika-voina> (дата обращения – 06.10.2022).
47. Приветственное слово главы Липецкой митрополии участникам XVI Образовательных чтений ЦФО «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mitropolia-lip.ru/journal/stati/privetstvennoe-slovo-glavy-lipeckoy-mitropolii-uchastnikam-xvi-obrazovatelnyh-chteniy> (дата обращения – 06.10.2022).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является региональный дискурс Русской православной церкви в сфере мемориальной политики. В качестве кейса для исследования автор выбрал деятельность Липецкой митрополии на поле общественных коммемораций. Наблюдаемое за последние десятилетия увеличение количества и степени ожесточённости мемориальных конфликтов, а также бурный рост научных и публицистических работ, посвящённых политике памяти, свидетельствуют о высокой степени актуальности рецензируемого исследования. Концептуальной рамкой этого исследования выступила акторно-сетевая теория (М. Каллон, Б. Латур, Д. Ло и др.), а методологической основой – критический дискурс-анализ З. Йегера и Ф. Майера, направленный на выявление ключевых дискурсивных стратегий и идеологических влияний посредством структурного анализа релевантных информационных сообщений. Источниковой базой послужили официальные документы, периодические издания, материалы официального сайта, а также публичные заявления первых лиц Липецкой митрополии. Корректное применение описанной методологии позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, достаточно новаторским представляется сам выбранный аспект исследования региональной специфики мемориального дискурса РПЦ. Автор совершенно справедливо указывает на недостаточную изученность этого вопроса в отечественной научной литературе. Кроме

того, научный интерес представляют выделенные и проанализированные три ключевые дискурсивные стратегии Липецкой митрополии: - встраивание истории православия в коллективную память становления Липецкой земли; - отстаивание особого статуса Липецкой земли как защитницы России; - активное участие в коммеморациях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Любопытна также выявленная автором роль образа Петра I в формировании коллективной памяти населения региона. Наконец, внимания научного сообщества заслуживает предложенная автором по результатам проведённого исследования гипотеза о наибольшей активности РПЦ в регионах России, которые не имеют сложившейся исторической традиции и коллективная память которых весьма эклектична. В структурном плане работа также производит хорошее впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Хотя рубрикация тематических разделов не помешала бы. В статье условно можно выделить следующие разделы: - вводная часть, где формулируется научная проблема, обосновывается её актуальность, ставятся цель и задачи исследования, а также проводится краткий обзор научной литературы по проблеме; - методологическая часть, где описывается и аргументируется теоретико-методологическая база исследования; - историческая часть, кратко представляющая историю Липецкой области, а также описывающая поле общественных коммемораций в данном регионе; - основная часть, где проводится выявление и анализ дискурсивных стратегий, используемых Липецкой митрополией в этом поле; - заключительная часть, где резюмируются основные итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. В стилистическом плане статья также выполнена на достойном уровне. В тексте встречаются нечастые стилистические (например, закрывающая квадратная скобка после перечисления фамилий представителей акторно-сетевого подхода: «акторно-сетевой подход (Б. Латур, М. Каллон, Д. Ло]») и грамматические (например, несогласованное предложение «За последние годы исследователи были проанализированы основные стратегии и векторы общефедеральной политики памяти РПЦ...»; или пропущенная запятая в предложении «В данном случае мы также сталкиваемся с тенденцией характерной для РПЦ в целом») погрешности, но в целом он написан достаточно грамотно, хорошим языком, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 47 наименований, в том числе источники на нескольких иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по теме статьи. Апелляция к оппонентам имеет место в части аргументации методологического выбора.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать как научную работу, выполненную достаточно качественно и отвечающую всем требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Уровень владения методологическим инструментарием, а также качество и достоверность полученных результатов свидетельствуют о наличии у автора исследовательского опыта. Представленный материал соответствует тематике журнала «Социодинамика». Полученные результаты представляют интерес для политологов, социологов, регионоведов, культурологов, религиоведов, специалистов в области государственного управления, а также для студентов перечисленных специальностей. По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.